

Юлия Глухова

К ТЕБЕ, ФЕНИКС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Глухова

К тебе, Феникс

<https://litres.ru/74605629>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Я видел истинный ужас. Я знаю, что такое настоящая боль. Я не издеваюсь над ними. Я очищаю их. Я даю им шанс родиться заново, стать чем-то большим, чем просто очередное лицо в толпе. Они должны быть мне благодарны за это избавление. Я — их спасение».

Детективы Джозеф Беккер и Стефан Моро зашли в тупик. Серийный убийца по прозвищу «Феникс» играет с ними, оставляя за собой лишь невозможные загадки. Когда в списке похищенных оказывается Ева Локхарт, правила меняются. Ставки — жизнь. Чтобы спасти её, придётся заглянуть в бездну. Но на деле бездна оказалась милосерднее реальности.

ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ЗНАЕТЕ, КТО ТАКОЙ СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА. ВЫ ОШИБАЕТЕСЬ.

Он не прячется в тени. Он стоит рядом. Он ждёт, пока вы отвернётесь.

Содержание

К тебе, Феникс.

4

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Юлия Глухова

К тебе, Феникс

К тебе, Феникс.

Языки пламени жадно лизали стены, всё вокруг ревело и полыхало, безжалостно жала нежную кожу. Забившись под стол, мальчик наблюдал, как охваченный огнём отец мечется из угла в угол, размахивая пылающими руками, и кричит так, что этот звук перекрывал гул пожара.

Его мать... пламя уже пожирало её ситцевое платье, а волосы превратило в огненный венец. Но она продолжала звать сына, выкрикивать его имя, и даже адская боль не могла стереть с лица отчаянную надежду найти его, спасти любой ценой. Он же лишь беззвучно плакал, съёжившись в ледяной комок.

Вдыхал запах мокрой от слёз ткани, смотрел, как отец, дёрнувшись в последний раз, рухнул обугленным бревном. А затем — и мама... Последнее, что он увидел перед тем, как огонь поглотил всё, — это протянутая к нему рука матери.

На её предплечье темнело неровное родимое пятно, окружённое свежими, бугристыми шрамами — памятью о тщетной попытке его иссечь. Мир сузился до одного ощущения: невыносимого привкуса гари во рту и ласковой, спаситель-

ной тьмы, которая наконец смыкалась над ним.

— Стефан! У нас убийство!

Мужчина вздрогнул, отрывая голову от стопки бумаг на столе. Всю ночь он провёл без сна, и лишь в обеденный перерыв смог забыться тяжёлым, беспокойным сном прямо за рабочим столом.

— Не ори... — простонал он, лениво потягиваясь так, что хрустнули суставы.

Джозеф уже стоял рядом, полностью одетый. Он схватил напарника за плечи и рывком поднял на ноги.

— Проснись! Что ты делал ночью? Опять клеил цыпочек?

Стефан усмехнулся, нашаривая под столом ботинки.

— Любопытный. Завидууй молча, женатик.

— Плевать! Сейчас не время для рассказов о твоих похождениях. На месте ждёт труп.

Сонливость со Стефана как рукой сняло. Он замер с одним ботинком в руке.

— Девушка?

Джозеф мрачно кивнул.

— Да. Снова этот ублюдок.

Он резко хлопнул в ладоши, пытаясь сбросить напряжение.

— Давай, качок! Судмедэксперты заждались.

Стефан медленно застегнул ремень с кобурой. В его голо-

се звучала усталая обречённость.

— Куда мы торопимся? Два с половиной года бегаем по кругу и ни разу даже не приблизились к этому психу.

В парковой полосе, в гуще кустарника, уже кипела работа. Стефан и Джозеф протиснулись сквозь оцепление. В нос ударил густой, приторно-сладкий запах прелой листвы, смешанный с едва уловимой, тошнотворной нотой — запахом смерти.

В центре импровизированного круга на коленях стоял судмедэксперт. Его руки в перчатках медленно, почти с нежностью скользили по бледной коже девушки, словно пытаясь прочесть её последнюю, безмолвную исповедь.

— Что у нас? — бросил Джозеф, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Снова эта штука, сэр, — тихо ответил молодой патрульный, кивая на землю.

Джозеф склонился ниже. Под безвольно откинутой рукой девушки, словно брошенная за ненадобностью игрушка, лежал феникс из медной проволоки.

— Стефан, — позвал он, не оборачиваясь. — Иди, полюбуйся.

— Я уже посмотрелся на его творчество, — хрипло отозвался напарник из-за его спины. Он стоял неподвижно, глядя на тело издалека. — Вижу отсюда.

Джозеф выпрямился и окинул взглядом картину. Обна-

жённое тело на сырой траве. Русые волосы, рассыпавшиеся грязными волнами и скрывающие лицо. Кожа от головы до ног была покрыта синяками и ссадинами, похожими на следы от плети. Тот же почерк.

— Время смерти? — спросил он судмедэксперта.

Седой патологоанатом поднял на него усталый взгляд.

— Вчера вечером или ночью. Труп свежий. Смерть насильственная, но точнее скажу после вскрытия.

Стефан перевёл взгляд на другого полицейского.

— Личность установили?

— Да, сэр. Сара Джонс. Студентка балетного колледжа. Двадцать лет. Родителей уже оповестили, после семнадцати ноль - ноль приедут на опознание.

Стефан молча смотрел на тело. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на жалость.

— Красивая...

Джозеф с силой выдохнул, словно выплёвывая воздух.

— Да уж. У этого ублюдка хороший вкус.

Стефан обвёл взглядом утоптанную землю вокруг тела.

— Следы от протекторов? — спросил он. — Какие-то улики?

Молодой патрульный, переминаясь с ноги на ногу, покачал головой.

— Ничего, сэр. Даже отпечатков ботинок нет. Этот маньяк работает в стерильных перчатках.

Джозеф обречённо выдохнул, словно выпуская последнее

терпение.

— Если закончили, увозите тело, — бросил он. — Жду заключения экспертизы.

Патологоанатом, седой и поджарый, лишь молча кивнул, не отрывая взгляда от изувеченной кожи. Его руки в перчатках продолжали свой медленный, кропотливый танец. Детективы, не оглядываясь, пошли к машине.

— Два с половиной года, — хмыкнул Джозеф, пиная подвернувшийся камешек. — Я два с половиной года смотрю, как ты обхаживаешь периметр, но ни разу не видел, чтобы ты подошёл к трупу ближе, чем на три метра. Мистер Мускул боится мертвецов?

Стефан дёрнул плечом, словно сбрасывая с него невидимую тяжесть.

— Я не подхожу близко, чтобы потом не мучиться ночными кошмарами. К этому невозможно привыкнуть.

— Да уж, на курсе ты был самым нежным цветочком, — саркастично заметил напарник. — Слушай, а когда у тебя там... как его... «углеводное окно»? Я бы сейчас сожрал самый сочный бургер в городе.

Стефан повернул голову назад и поморщился, глядя на то, как санитары аккуратно укладывают тело в чёрный мешок.

— Тебе хоть что-нибудь может испортить аппетит? Ты женатый человек, а питаешься таким мусором. Я не голоден. Но от кофе бы не отказался. Поехали.

Из коридора донёлся пронзительный вопль — это родители опознавали тело. Джозеф сжал кулаки так, что побелели костяшки, и обречённо выдохнул:

— Чёрт... Нужно их опросить. Ненавижу эту часть работы. Какое-то грёбаное кошунство.

Стефан, который всё это время сидел, уставившись невидящим взглядом в монитор, медленно повернулся. Он не сменил позы, лишь скрестил руки на груди ещё крепче.

— Ты заключение судмедэксперта видел? — его голос звучал глухо, словно из-под земли.

Джозеф раздражённо махнул рукой.

— Некогда читать. Если ты в курсе, изложи суть. В трёх словах.

Стефан тяжело поднялся, подошёл к столу и взял папку с бумагами, но не открыл её.

— Её ударили по голове. Сопротивлялась. Убийца приложил затылком об стену. Перед смертью изнасиловал. В том числе посторонними предметами. Разрывы, микротравмы...

Джозеф поморщился, словно от зубной боли.

— Так *ударили* или *об стену*?

— Формально — тупым предметом, — Стефан наконец посмотрел на него. Тяжело и устало. — Но стена тоже может им быть. На ней могла висеть полка, крюк... что угодно.

— Что ты выдумываешь?! — взорвался Джозеф. — Стена, полка... Написано «тупой предмет» — значит, так всё и было! Не путай следствие! И без того чёрт ногу сломит!

Стефан ничего не ответил. Он просто стоял, опустив глаза, и эта его отстранённость бесила Джозефа ещё больше.

— Знаешь что... — тихо произнёс Стефан, почти шёпотом. — Я уже готов сам что-нибудь придумать. Додумать. Хоть какую-то версию. Лишь бы вырваться из этого замкнутого круга. Этот псих меня изрядно достал.

На секунду в кабинете повисла тишина. А потом Джозеф истерично хохотнул, запрокинув голову.

— Не тебя одного, здоровяк. Не тебя одного.

Допросная была выкрашена в тусклый, казённый зелёный цвет, который делал лица людей болезненно-бледными. За столом сидели двое — мужчина с лицом, превратившимся в серую маску, и женщина, чьи глаза были сухими и пустыми, как два битых стекла. Они уже не плакали. Шок от потери был сильнее скорби. Джозеф вошёл первым.

Он остановился у двери, прислонившись к стене, скрестил руки на груди и молча уставился на родителей тяжёлым, немигающим взглядом. Его лицо было непроницаемой маской профессионального безразличия, но желваки, ходившие под кожей, выдавали внутреннее напряжение. Стефан занял место за столом напротив них.

Он положил перед собой чистый блокнот, но ручку брать не стал. Вместо этого он несколько секунд просто смотрел на убитых горем людей, словно собираясь с силами.

— Миссис и мистер Джонс... — его голос прозвучал

непривычно тихо и глухо. — Примите наши соболезнования. Я понимаю, что сейчас не время и не место, но нам нужна ваша помощь. Каждая минута может быть важна.

Женщина медленно подняла на него взгляд. В её глазах не было ни ненависти, ни вопроса — только бесконечная, звенящая пустота.

— Сара... она всегда возвращалась домой до темноты, — прошептала она бесцветным голосом. — Она училась. У неё завтра должен был быть экзамен по истории искусств...

Мужчина вдруг сжал кулаки так, что ногти впились в кожу и посмотрел прямо на Джозефа.

— Вы найдёте того, кто это сделал? — его голос сорвался на хрип. — Вы обещаете?

Джозеф оттолкнулся от стены. Он сделал шаг вперёд, и его тень упала на стол, накрывая руки матери Сары.

— Мы сделаем всё возможное, сэр, — произнёс он металлическим голосом. — Но мне нужно задать вам несколько вопросов. Это стандартная процедура.

Он начал спрашивать. О друзьях Сары. О парнях. Были ли у неё враги. Не замечали ли они чего-то странного в последние дни. Вопросы сыпались один за другим, холодные и методичные, разрывая тишину комнаты, как осколки гранаты. Мать вздрагивала при каждом слове. Отец отвечал односложно, глядя в одну точку. Стефан наблюдал за этим со стороны.

Он видел, как каждое слово Джозефа вбивает гвозди в

гроб надежды этих людей. Он видел, как маска профессионализма на лице напарника даёт трещину, когда отец девушки умоляюще смотрит на него, а Джозефу приходится отвечать «мы работаем над этим». Внезапно мать разрыдалась. Тихо, почти беззвучно.

Слёзы потекли по щекам, оставляя мокрые дорожки. Стефан инстинктивно протянул руку и выключил диктофон на столе. Щёлчок показался оглушительным. Джозеф резко развернулся и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Стефан остался сидеть. Он закрыл глаза и тяжело вздохнул.

— Простите моего коллегу, — сказал он, открывая их снова. — Ему тоже очень жаль. Это дело... оно непростое для всех нас.

Он говорил ещё несколько минут, задавая самые простые вопросы мягким голосом, пока женщина не успокоилась. Когда допрос закончился, Стефан проводил их до выхода, молча кивнув им на прощание. Возвращаясь в отдел, он нашёл Джозефа в коридоре.

Тот стоял, прижавшись лбом к холодному стеклу окна, и курил, хотя в здании это было строжайше запрещено. Они ничего друг другу не сказали. Слова были излишни. Они оба чувствовали себя осквернёнными этой процедурой, грязными от необходимости копаться в горе других людей ради призрачной надежды найти убийцу.

И эта грязь теперь была на них обоих. Джозеф наконец нарушил гнетущую тишину коридора. Он говорил тихо, но

в его голосе звенела натянутая до предела струна.

— Стефан... Этому должен прийти конец. Или я просто не создан для этой чёртовой работы, или этот ублюдок никогда не насытится. Я чувствую себя полным ничтожеством. Я даже спать перестал... с ней. — Он запнулся, мотнув головой. — Все мысли только о нём. Мы должны его найти. Это уже вопрос принципа.

Стефан молча достал из пачки сигарету. Он не курил уже год, но отчаяние напарника оказалось заразительным. Щёлкнула зажигалка. Глубокая затяжка. Клубы дыма медленно поплыли к потолку.

— Если бы всё было так просто, Джозеф, — выдохнул он вместе с дымом. — Признай: этот псих нас всех переиграл. Ни одного следа. Ни единой зацепки, кроме этих проклятых медных фениксов.

Джозеф резко оттолкнулся от стены, на которую опирался. В его глазах вспыхнул лихорадочный огонь.

— Значит, мы меняем тактику! Да, он умён. Умнее всего нашего отдела, вместе взятого! Но это должно прекратиться. Я должен его поймать. Понимаешь? Я. Это уже не работа. Это личное. Азарт.

Он ткнул пальцем в грудь Стефана.

— И ты мне поможешь. Потому что если не мы, то никто.

Стефан посмотрел на дымящийся кончик сигареты в своей руке, словно удивляясь, как она там оказалась. Затем перевёл тяжёлый взгляд на Джозефа. Впервые за долгие меся-

цы в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Ты превращаешься в него, Джо. Думаешь, он не этого добивается?

— Плевать! — прорычал Джозеф. — Пусть попробует поиграть со мной. Посмотрим, кто кого.

Стефан сделал ещё одну глубокую затяжку, а затем с силой раздавил окурочок о стену. Он смотрел, как осыпается пепел.

— Хорошо, — наконец сказал он, и в его голосе прозвучала холодная решимость. — Давай поиграем.

Первое, что прорвалось сквозь тьму, — звук. Монотонный, сводящий с ума стук капель о металл, эхом разлетающийся в пустоте. Он отдавался в висках, бил по мозгу, как отбойный молоток. Она открыла глаза. Вокруг — абсолютная, вязкая чернота. Тело сотрясала неконтролируемая дрожь. Холод — ледяной, всепроникающий.

Он поднимался от кафельного пола, на котором она лежала обнажённой. Попытка встать провалилась. Ноги были ватными, чужими, а мышцы сводило болезненной судорогой. Когда она всё же приподнялась на колени, тишину разорвал оглушительный лязг. Звук шёл из угла и эхом отразился от стен. В тот же миг она почувствовала тяжесть.

Натяжение на шее и запястьях. Цепи. Её приковали. Осознание было не мыслью, а ударом под дых. Её посадили на цепь, как животное. Адреналин взорвался в крови, заглушая

боль и слабость. Она вскочила на ноги и слепо рванулась вперёд, в чернильную пустоту.

Железные пути натянулись до предела, дёрнули её назад с такой силой, что она рухнула на пол, больно ударившись коленями. Волосы — спутанные, грязные пряди — упали на лицо, забились в рот и глаза. Истерика накрыла её удушливой волной. Она сжалась в дрожащий комок на полу, и по телу прошла новая судорога.

— Отпустите! — её крик был хриплым, чужим. — Зачем я вам нужна?! Я хочу домой!

Голос утонул в густой, давящей тишине помещения. Никто не ответил. И тогда она начала биться. Беспорядочно молотить слабыми кулаками по ледяному кафелю, кричать до сорванного горла в пустоту, которая поглощала все звуки. Это была агония загнанного в ловушку зверя. Когда силы окончательно покинули её, она просто рухнула на пол. Лежала, хватая ртом затхлый воздух, пока тело не свело последней, мучительной судорогой, и тьма не стала милосерднее реальности.

Телефонный звонок разорвал утреннюю тишину кабинета. Джозеф, дремавший в кресле, вздрогнул и резко выпрямился.

— Детектив Беккер, слушаю.

Дверь со скрипом отворилась. В кабинет вошёл Стефан, держа в руке шейкер. Он бросил на напарника беглый, ни-

чего не выражающий взгляд и, не отвлекаясь, едва заметно мотнул головой в знак приветствия.

— Сколько дней прошло? — Джозеф прикрыл глаза ладонью, его голос звучал глухо. — Ладно... Да. Пусть ждёт. Я буду надеяться, что она просто уехала с каким-нибудь красавчиком, иначе я скоро свихнусь. Да, до связи.

Он с грохотом швырнул трубку на базу. Стефан сделал большой глоток протеинового коктейля.

— Выглядишь так, будто вагоны разгружал, — хрипло заметил Джозеф, глядя на него воспалёнными глазами.

— Почти угадал. Всю ночь не спал. Решил, что лучше до рассвета тягать железо, чем пялиться в потолок. Руки отваливаются.

Джозеф издал сухой, похожий на кашель смешок.

— Жениться тебе надо. Тогда ночью будет чем заняться, кроме как... — он неопределённо махнул рукой в потолок.

Стефан поставил шейкер на стол с глухим стуком.

— Я о тебе беспокоюсь. Кто прикроет твою задницу, если не я? Моя спина шире твоей.

Джозеф закатил глаза и похлопал по кобуре на бедре.

— На кой чёрт мне твоя спина, если у меня всегда есть аргумент получше?

Стефан лишь тяжело вздохнул и покачал головой.

— Есть что-то новое? Кто звонил?

Джозеф нехотя встал с кресла и снова покосился на телефонный аппарат.

— Звонил Саймон. Заявление о пропавшей. Лейла Китчер. Риелтор. Ушла из ночного клуба два дня назад и испарилась.

Стефан нахмурился. В кабинете повисла тяжёлая пауза.

— Думаешь о том же, о чём и я?

Джозеф с силой ударил ладонью по столу. Звук был похож на выстрел.

— Заткнись, Стефан! — прошипел он. — Даже не производи это вслух! Этому ублюдку нужна передышка. Если это он... то он не человек. Он грёбанный конвейер. Машина для убийств и штамповки своих медных птичек.

Он отвернулся к окну, глядя на серый город невидящим взглядом.

Тишину снова разрезал этот звук. Капля за каплей. Кап... кап... Ритмичный, вкрадчивый стук, от которого вибрировал череп. Лейла разлепила веки. Темнота. Густая, липкая, словно смола. На мгновение её охватил первобытный ужас — она ослепла? Или её просто похоронили заживо? К монотонной капели добавился новый звук. Глухой. Далёкий. Шаги.

Они доносились откуда-то сверху или из-за стены — не разобрать. Они приближались. Паника взорвалась в груди огненным шаром. Она вскочила, царапая босыми ступнями ледяной пол.

— Эй! Кто-нибудь! Помогите! Я здесь! — её голос сорвался на жалкий, хриплый всхлип.

Справа, из непроглядной черноты, донёсся скрежет металла о металл. Замок. Лейла застыла. Сердце пропустило удар и ухнуло куда-то в пятки. Она рухнула на пол, сжавшись в дрожащий комок и поджав колени к груди, пытаясь скрыть свою наготу. Шаги стали громче. Совсем рядом. Она крепко зажмурилась, когда тьму прорезала вспышка света — острая, болезненная, словно удар хлыста по глазам. Даже сквозь веки мир окрасился в кроваво-красный.

— Ты замёрзла? — голос был мягким, бархатным, почти заботливым.

Чья-то рука мягко, но настойчиво отвела её ладонь, которой она пыталась заслониться от слепящего света.

— Лейла... ну же, посмотри на меня. Глаза быстрее привыкнут.

Мир перед глазами плыл цветными пятнами, но постепенно обрёл очертания. И эти очертания заставили её вжаться в стену так сильно, что позвоночник, казалось, вот-вот треснет. Он. Тот самый незнакомец из клуба. Его улыбка была здесь, в этой бетонной яме. Он взял её дрожащую руку. Его ладонь была обжигающе тёплой. Он прижал её пальцы к своей щеке, покрытой колючей щетиной, и потёрся о них, как большой, сытый кот.

— Не кричи больше. Иначе мне придётся тебя наказать.

Отвращение и ужас пересилили оцепенение. Она вырвала руку с такой силой, будто обожглась.

— Тварь! — прорычала она. — Кто ты такой?! Что тебе

нужно?!

Он не разозлился. Он лишь склонил голову набок и улыбнулся — мило, почти по-детски. Затем выпрямился во весь рост.

— Я — Феникс. Я тот, кто очистит твою душу от грязи. Благодарю своего спасителя.

— Иди к чёрту, сволочь! — выплюнула она сквозь зубы.

Улыбка исчезла с его лица так же быстро, как и появилась. Он медленно прошёл к стене, снял с крюка упругий хлыст и лениво взмахнул им. Воздух рассёк свист, похожий на змеиное шипение. Удар обжёг кожу огнём. Лейла закричала. Второй удар. Третий. Она забилась в угол, пытаясь стать невидимой, но хлыст находил её везде, оставляя на коже горящие полосы. Внезапно всё стихло. Он присел на корточки перед ней, его дыхание было ровным, будто он просто вышел на утреннюю пробежку.

— Тебе больно? Я же просил не кричать. Я же просил благодарить. Я жду. Ты ведь хочешь получить одеяло?

Она смотрела на него огромными, полными слёз глазами затравленного зверька и прошептала:

— Благодарю...

Он улыбнулся снова — ласково, победно.

— Вот так. Видишь? Это не трудно. Впредь говори: «Благодарю, Феникс». Подожди меня здесь... но никуда не уходи. Я принесу одеяло.

Лейла осмотрелась. Под потолком болталась одинокая

лампочка, заливая комнату безжалостным белым светом. Справа — унитаз, стыдливо прикрытый тканевой занавеской. Чуть дальше в сумраке угадывался поддон душевой кабины, с которой падала та самая капля, отмерявшая её заключение. В горле пересохло до боли. Она обернулась.

Другая стена была выложена ослепительно-белым кафелем, превращая помещение в подобие операционной. В дальнем углу стояла железная кровать, заправленная вызывающе-красным пледом. Рядом — круглый стол и одинокий деревянный стул. На стене — полка с фигурками из проволоки. А прямо под ней на крюке висел он: длинный хлыст, орудие пыток. Шаги.

Он вернулся. Феникс молча прошёл к кровати, нагнулся и достал оттуда такой же красный коврик. Бросил его на пол рядом с Лейлой. Его улыбка не предвещала ничего хорошего.

— Это твоя награда. За покорность. И не смей дерзить, потом будешь благодарна.

Он протянул ей вязанный плед. Лейла выхватила его трясущимися руками и тут же закуталась, словно пытаясь спрятаться.

— Я хочу пить... — голос сорвался на хриплый шёпот.

Улыбка сползла с его лица. Он разочарованно вздохнул, выпрямился во весь рост и неспешно снял со стены хлыст. Свист рассекаемого воздуха прозвучал громче выстрела. Удар обжёг щёку. Она взвизгнула, инстинктивно закрываясь

руками.

— Не разочаровывай меня, Лейла, — его голос был пугающе спокойным. — Я ведь учил тебя, как нужно просить.

Истерика накрыла её волной.

— Да что тебе нужно?! Псих! Как просить?! На коленях?!

Свист. Хлыст ожил снова. Раз. Два. Три. Боль была огненной, но страх оказался сильнее. Он заставлял тело биться в конвульсиях. Феникс присел на корточки перед ней, так близко, что она чувствовала запах его парфюма — дорогой, неуместный в этом подвале. Он говорил тихо, почти ласково:

— «Пожалуйста, Феникс. Дай мне воды. Я хочу напиться из твоих рук». Повтори.

Она смотрела на него сквозь пелену слёз и боли. Выбора не было. Жизнь научила её цене неповиновения.

— П-пожалуйста... Феникс... разреши... попить воды... из твоих р-рук... — прошептала она разбитыми губами.

Мужчина оскалится. Это была не улыбка, а хищный звериный оскал победителя.

— Вот видишь, Лейла. Так даже лучше. Ты делаешь успехи. Ты меня радуешь.

Феникс прошёл в смежное помещение, где гулко капала вода из душевой лейки. Он достал из шкафчика пластиковую бутылку, вернулся и навис над Лейлой, откручивая крышку.

— Пей, — его голос был тихим, но не терпел возражений. Лейла инстинктивно протянула руку к бутылке. Удар по

пальцам был хлёстким и неожиданным. Мужчина склонился ниже, его карие глаза, казалось, источали яд.

— Не трогай! — прошипел он. — Ты просила из моих рук. Пей так.

Девушка опустилась на колени, её била мелкая дрожь. Она потянулась к горлышку. Феникс наклонил бутылку, и тонкая струйка воды полилась ей в рот. Лейла глотала жадно, захлёбываясь и обливаясь. Наблюдая за ней с высоты своего роста, он свободной рукой мягко, почти нежно, поглаживал её по слипшимся от воды и слёз волосам.

— Вот так... аккуратно... не захлебнись... — его шёпот контрастировал с недавней вспышкой гнева.

Когда она напилась и попыталась отстраниться, он не стал её удерживать. Просто закрыл бутылку и поставил на стол. Затем обернулся. Его лицо снова было спокойным, почти ласковым.

— Что нужно сказать Фениксу? — спросил он тем же мягким тоном, каким говорят с напуганным ребёнком.

Лейла молчала, только часто дышала. Её взгляд метнулся к хлысту на стене. Она вздрогнула и выпалила:

— Благодарю... Феникс...

Он улыбнулся — широко и лучезарно, словно получил долгожданный подарок. Его взгляд упал на красный коврик у её ног. Он нахмурился, изображая озабоченность. Мужчина сам расстелил коврик рядом с ней. Затем навис над Лейлой тёмной, давящей тучей и отдал короткий приказ:

— Ложись.

Лейла повиновалась мгновенно, суетливо подобрал коврик и сев на него. Феникс опустил на корточки перед ней. Улыбка не сходила с его лица. Он резко и без усилий раздвинул ей ноги коленом и втиснулся в образовавшийся промежуток, сев напротив. Его рука легла на её бедро. Он не гладил — он изучал её тело как свою собственность.

Чуть выше колена его пальцы замерли на тёмном пятне. Он долго смотрел на него, а затем поднял взгляд на её лицо. Его зрачки расширились настолько, что поглотили радужку, превратив глаза в две чёрные, бездонные дыры.

— Видишь пятно? — его голос стал вкрадчивым, почти гипнотическим. — Как ты думаешь, что это?

Лейла молчала, парализованная ужасом. Он сам ответил за неё. Склонившись к самому её лицу, он заботливо убрал мокрый тёмный локон с её лба.

— Ты ошибаешься, как и все они, — прошептал он ей в губы. — Это не просто родимое пятно. Это метка нечисти. Твоя душа в грязи, Лейла. Но ты спасена. Я — тот, кто очистит её от этой скверны.

Феникс наклонился. Его дыхание было горячим и приторно-сладким. Он медленно, почти благоговейно, прислонился лбом к её лбу.

— Ты боишься, думаешь, что в опасности. Но я не хочу вредить, я хочу уберечь тебя. Для этого ты должна подчиниться, пройти обряд очищения болью и огнём, — прошеп-

тал он. — Только так я смогу спасти твою душу.

Девушка с отвращением дёрнула головой, пытаясь отстраниться. Она посмотрела на него снизу вверх — в глазах стоял животный ужас. Он же воспринял это по-своему. Запустив руку в её спутанные волосы, сжал их у корней, не давая отвернуться, и потянулся к уху.

— Ты должна полюбить своего спасителя, — его шёпот был похож на шипение раскалённого металла. — Отдайся мне. Со всем желанием. Прямо сейчас...

Он провёл кончиком языка по её шее, слизывая солёный пот. Лейла поморщилась, её тело содрогнулось от омерзения, и она до крови прикусила губу. Он отстранился и посмотрел на неё оценивающе, словно коллекционер на новый экспонат. Его голос снова стал мягким, бархатным.

— Ты готова?

Лейла молчала. Её молчание было красноречивее любых слов. Феникс усмехнулся. Он протянул руку к карману спортивных брюк, ткань которых натянулась, безжалостно выдавая его возбуждение. Извлёк блестящий квадратик фольги — презерватив. Лейла вжалась в стену. Он стянул с себя футболку. Перед глазами девушки предстало его тело — крепкое, покрытое уродливыми рубцами от давних ожогов. Она зажмурилась. Но он не остановился. Шорох фольги. Мужчина грубо притянул её к себе за ноги.

— Отдайся огню... — его шёпот ядом разливался в ушах. — Отдайся Фениксу...

Его плоть упёрлась в неё, пульсируя от напряжения. Он жадно хватал её кожу, оставляя укусы на шее и груди.

— Почувствуй меня... Ты будешь спасена, я помогу...

Но девушка окаменела, превратившись в статую из страха. В его глазах мелькнуло что-то похожее на обиду ребёнка, у которого сломали игрушку.

— Тебе неудобно? — спросил он почти ласково. — Давай сменим позу.

Он рывком поднял её и впечатал в стену. Её взгляд упал на хлыст на крюке. Она завопила, зажмурившись. Слезы брызнули из-под век.

— Скажи, как тебе нравится, — прохрипел он ей в шею, задыхаясь. — И тогда всё получится.

Мужчина вошёл в неё резким толчком. Ещё раз. И ещё. Лейла запрокинула голову, закусив щёку. Её руки безвольно повисли, лишь вздрагивая в такт его движениям. Разочарование, исказившее его черты, вылилось в слова:

— Почему ты не стонешь? Не хочешь отдаться? Хочешь других ощущений?

— Нет! Я не хочу тебя, урод! — выдохнула она.

Время остановилось. Он замер. А затем отбросил её от себя, как надоевшую куклу. Она рухнула на пол, ударившись затылком о стену. Феникс метнулся к столу. В его руке оказалась бутылка. Он навис над Лейлой.

— Встань!

Она лишь всхлипнула, сжавшись в комок. Его рука потя-

нулась к хлысту.

— Нет! Прости! Прости, господин! Я встаю... — взмолилась она.

Он схватил её за волосы и рывком поднял на ноги.

— Я не господин! Я — Феникс! Раз тебе не нравится... будет по-другому.

Боль была ослепляющей. Что-то огромное и жёсткое вторглось в неё, разрывая плоть. Горлышко бутылки. Он резко вытащил его и с силой вогнал обратно. Пытка. Терпеть было невозможно. И тогда её зубы сами нашли цель и сомкнулись на его ключице. Вопль Феникса был нечеловеческим. Он отшатнулся.

— Что? Больно, сука? — выдохнула Лейла.

Гнев исказил его лицо до неузнаваемости. Он бросился на неё, схватил за горло и приподнял над полом. Удар затылком о стену. Искры из глаз. Ещё раз. Тело обмякло. Тонкая струйка крови вытекла изо рта. Он разжал пальцы. Её безжизненное тело рухнуло к его ногам. Феникс стоял над ней, потирая место укуса. Его лицо исказила гримаса отвращения.

— Опять не вышло... — прошептал он с искренним разочарованием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.